

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Ифатуроти Олувасеун Адебойе

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ЛИЦА/ПЕРСОНАЛЬНОСТИ
В ЯЗЫКЕ ЙОРУБА В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ,
АНГЛИЙСКИМ, НЕМЕЦКИМ И ФРАНЦУЗСКИМ ЯЗЫКАМИ**

Специальность 5.9.8 – Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических
наук

Екатеринбург – 2023

Работа выполнена на кафедре лингвистики и перевода ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

Научный руководитель

Турбина Ольга Александровна,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты

Архипова Ирина Викторовна,
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный педагогический
университет», профессор кафедры романо-
германских языков;

Багана Жером,
доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет», профессор кафедры романо-
германской филологии и межкультурной
коммуникации;

Балакин Сергей Владимирович,
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
университет путей сообщения» (г.
Екатеринбург), заведующий кафедрой
«Иностранные языки и межкультурные
коммуникации».

Защита состоится «21» июня 2023 г. в 11.00 на заседании диссертационного совета УрФУ 5.9.12.27, по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина 51, зал заседаний диссертационных советов, ком. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»: <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?id=12&rid=4677>

Автореферат разослан «__» мая 2023 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,

доктор филологических наук, доцент

Ю.В. Богоявленская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучение вопроса о категории лица много лет привлекает внимание лингвистов, особенно исследователей, занимающихся изучением так называемых отдаленных языков, к числу которых можно отнести язык йоруба. По мере повышения интереса к изучению языка йоруба вопрос о представлении категории лица системой данного языка становится неотъемлемой частью сравнительной и типологической лингвистики. Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению категории лица/персональности в языках разных типов на материале языка йоруба в сопоставлении с языковым представлением этой категории в ряде европейских языков, в том числе и в русском языке.

Актуальность данного исследования определяется рядом факторов, главным из которых является повышенный интерес современных лингвистов к изучению различных аспектов так называемых отдаленных языков мира. Таким образом, можно сказать, что данная работа является ответом на потребность во всестороннем изучении грамматики йоруба.

Во-вторых, проблема выражения категории лица/персональности до сих пор оставляет много вопросов при обращении к материалу достаточно широко изученных языков, таких как английский, немецкий, французский и русский языки. Материал менее изученных языков, таких как йоруба, требует еще более пристального внимания, поскольку он вбирает как универсальные закономерности представления категории лица/персональности естественным языком, так и национально-специфические особенности ее выражения, включая культурно-этнические факторы влияния на системные внутриязыковые процессы. Несмотря на то, что многие исследователи работали над различными аспектами грамматики йоруба, категории лица и персональности в значительной степени были недостаточно изучены.

Степень разработанности темы исследования отражена в работах российских ученых, западных лингвистов, а также специалистов в области грамматики языка йоруба. Стоит отметить, что в своих трудах ученые обращались к рассмотрению категории лица/персональности в рамках исследований более широкого спектра. Это, например, работы Г. Гийома, Л. Стассена, О. Фишера, И. Хайма, и др. Существенный вклад в разработку темы статуса категории лица/персональности в контексте отношений языка и мышления, внесли работы В. Гумбольдта, А.А. Потебни, А.М. Пешковского, Л. Ельмслева, С.Д. Кацнельсона, А.Ф. Лосева, Г. Гийома) и др. В России заметный вклад в исследование структурно-семантических особенностей безличных предложений в русском языке внесли работы Е.М. Галкиной-Федорук, В.Г. Адмони, К.Г. Крушельницкого и др. Исследованию теории исторического развития местоимений в индоевропейских языках уделялось особое внимание в работах И.И. Мещанинова, А.Н. Савченко, Ю.С. Степанова, В.В. Иванова и др. В числе ранних исследований языка йоруба

особую ценность, на наш взгляд, представляют работы С.А. Кроутера, который в середине XX-го века заложил научную основу для описания его грамматики. Вопросы о категории лица/персональности начали привлекать внимание грамматистов только во второй половине XX-го века, когда исследователи, в том числе О. Авобулуйи, Л.О. Адеволе, А. Бамгбосе, О. Ойеларан, затронули вопрос о категории лица/персональности в своих работах.

Заметим, что, несмотря на повышенный интерес к изучению категории лица/персональности, в настоящее время опубликовано недостаточное количество исследований, выполненных на материале языка йоруба, в силу чего назрела необходимость глубокого когнитивно-семиотического анализа статуса данной категории в системе этого языка на фоне ее репрезентации в достаточно хорошо изученных европейских языках — английском, немецком, русском и французском.

Объект исследования составляют неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные предложения в языке йоруба, и их эквиваленты в русском, английском, немецком и французском языках.

Предметом исследования являются способы выражения категории лица/персональности в языке йоруба в их сопоставлении с семантико-синтаксическими эквивалентами в русском, а также в английском, немецком и французском языках.

Цель исследования состоит в выявлении и описании языковых средств репрезентации значений персональности/имперсональности в языке йоруба, что определяет постановку следующих **задач**:

1. Изучить вопрос о репрезентации категории лица/ персональности в языках разных типов с позиции когнитивно-семиотического подхода.
2. Провести обзор типологических особенностей языка йоруба с целью выявления возможностей решения представления и статуса категории лица/персональности в его системе.
3. Определить градацию значений лица/персональности по шкале лицо↔не-лицо в йоруба и выявить способы их выражения в этом языке.
4. Провести классификацию и анализ способов репрезентации различных значений персональности/имперсональности в языке йоруба в сопоставлении с их аналогами в русском, английском, немецком и французском языках.
5. Рассмотреть особенности функционирования безличных, неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкций в речи.
6. Изучить экстралингвистические (культурно-этнические) факторы влияния на статус категории лица/персональности в рече-языковом представлении йоруба.

Методологической и теоретической базой работы являются основные положения теории структуры предложения (И.И. Мещанинов, В.В. Виноградов, В.Г. Адмони, Г. Хельбиг, Г. Гийом, О.А. Турбина, Л. Теньер, Б.А.

Абрамов, Т.П. Ломтев, А.В. Бондарко) и структурно-семантических особенностей безличных предложений в русском языке (К.Г. Крушельницкая), общего языкознания и сравнительно-исторической лингвистики (В.К. Яковлева, Маянца В.А, А. Бамгбосе, Р. Аврам), а также теории взаимосвязи языка и мышления, категорий лица/персональности (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, А.М. Пешковский, Л. Ельмслев, С.Д. Кацнельсон, А.Ф. Лосев, Г. Гийом).

В работе выдвигается следующая **гипотеза**: поскольку категория лица является семантической основой синтаксической категории подлежащего при глаголе-сказуемом, предизирующем признак его носителю-лицу, любая языковая система, в развитии которой выявляется заметная тенденция к аналитизму, ищет способ обеспечить семиотическое выражение категории подлежащего формально — посредством специализировавшегося для этого знака (парадигмы знаков). Так, формальное выражение категории подлежащего становится обязательным вне зависимости от значения и статуса лица субъекта (лицо/нелицо) в аналитических языках номинативного строя (типа английского, немецкого, французского). Следовательно, если в йоруба наблюдается грамматизация категории подлежащего, в системе языка должна быть представлена парадигма местоимений, специализирующихся для выражения значения лица при глаголе — с определенным, обобщенным, неопределенным и безличным значениями.

Материалы исследования составляют 392 примера простых предложений с местоименными подлежащими, собранные методом сплошной выборки из произведений художественной литературы XX и XI века на языке йоруба разных стилей и жанров. Всего было обработано 779 страниц сборного литературного текста следующих авторов: D.O. Fagunwa, Afolabi Olabimtan, D.O Adisa, Lawuyi Ogunniran, Lasunkanmi Tela, Omideyi Motunrayo и Olusola Fadiya. Эти материалы были дополнены выборкой из текстов различных СМИ, из которых для сопоставления был взят также материал на английском, русского, немецком и французском языках. Перевод эквивалентных конструкций на язык йоруба был выполнен автором диссертации.

Для достижения поставленной цели в ходе проводимого исследования использовались общенаучные методы, а также сравнительный метод, метод сплошной выборки, прочие методы лингвистического анализа (семантический, контекстуальный и прагматический анализы).

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что в ходе него были выявлены и описаны способы репрезентации категории лица/персональности в языке йоруба, отражающие, с одной стороны, общие свойства категоризации внешнего мира языками, с другой — особенности национального языкового представления, обусловленного культурно-этническими факторами.

Практическая значимость исследования диссертационной работы заключается в возможности использования полученных результатов и данных в дальнейших исследованиях, посвященных изучению способов выражения категории лица/персональности в языках различных типов, в преподавании университетских дисциплин — курсов по общему и сопоставительному языкознанию, межкультурной коммуникации и лингвокультурологии.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1) данная работа представляет собой исследование, где впервые был проведен анализ категории лица/персональности в языке йоруба с целью определения закономерностей в языковой реализации личных, безличных, неопределенно-личных и обобщенно-личных значений.

2) впервые осуществляется сравнительно-сопоставительное исследование структуры грамматических конструкций йоруба с местоимениями в качестве актуализаторов категории лица/персональности с их синтаксическими эквивалентами в русском языке, а также в английском, немецком и французском языках.

На защиту выносятся следующие положения:

1. С позиции когнитивно-семиотического подхода универсальная семантико-синтаксическая категория персональности/имперсональности определяется как результат осмысления и категоризации пространства по оси лица, который сопровождается в языках грамматизацией инвариантных моделей предложения и формированием местоименных парадигм с выраженными оппозициями порядковых лиц и не-лиц с различными значениями персоналий и имперсоналий.

2. Язык йоруба на основании отсутствия словоизменения исследователи обычно относят к языкам изолирующего типа. Однако дать ему такую однозначную типологическую характеристику можно лишь условно в силу того, что лексико-грамматические значения могут выражаться морфонологически, лексически, агглютинативным способом с помощью детерминативов и квази-детерминативов. Эти системно-структурные особенности языка йоруба, общие для языков африканского континента, существенно отличают его от современных языков Европы. Тем не менее, в грамматике йоруба есть и то, что характерно для европейских языков — это способы актуализации синтаксических значений и синтаксис в целом: синтаксические функции именных актантов могут быть обозначены только их позицией в предложении; нормативная конструкция предложения в йоруба аналогична инвариантной модели SVO – типовой для предложений с именными актантами в подавляющем большинстве европейских языков.

3. В йоруба языковое представление значений лица/персональности по шкале лицо↔не-лицо отражает категоризацию пространства, наиболее заметную и закрепленную в системе местоименных форм, кодирующих категориальные значения одушевленных и неодушевленных пространственных объектов, включая самого субъекта категоризации.

Принципы устройства системы местоимений в йоруба обнаруживают морфосинтаксические сходства с местоименными парадигмами европейских языков, где, как и в йоруба, представлена двоичная местоименная парадигма самостоятельных (эмфатических) и приглагольных (неэмфатических) форм и сохраняются супплетивные формы склонения. Собственно-личные значения (значения порядковых лиц) способны выражать без исключения все самостоятельные и приглагольные местоимения. Несобственно-личные — обобщенно-личное, неопределенно-личное и безличное значения выражаются приглагольными местоимениями *a* (1-е л. мн.ч.), *o* (2-е л. ед.ч.), *ó* (3-е л. ед.ч.) и *wón* (3-е л. мн.ч.).

4. Обобщенно-личное значение в языке йоруба выражается местоимениями *a*, *o* и *wón*. Обобщенно-личным конструкциям с местоимением *o* эквивалентны русские и французские обобщенно-личные конструкции с *вы*, *vous*, а английский и немецкий языки предпочитают неопределенно-личные конструкции с *one* и *man*. Местоимение *a* употребляется в широко распространенных обобщенно-личных конструкциях типа *a ñ wí yíi*, и подобных ей, смысловые эквиваленты которых в русском, английском, немецком и французском языках оформляются придаточными предложениями (о котором идет речь), либо именными словосочетаниями (*the period under review; le temps en question; der fraglichen Zeit*). Русский и французский языки при переводе *a*-конструкции йоруба *işé ni a ñ şe* (букв: 'работу есть мы делаем') предпочитают безличные конструкции: *нужно работать; il faut travailler*. Смысловые эквиваленты обобщенно-личных и неопределенно-личных выражений йоруба с местоимением *wón* в европейских языках представлены пассивными конструкциями (*wón ti şe — готовится; est cuit; wird gekocht*), неопределенно-личными конструкциями (*wón ní – говорят; on dit; man sagt*). С безличным значением употребляется только местоимение *ó*, которое широко используется в качестве формального подлежащего в безличных предикативных конструкциях типа *ó şe* (букв. 'оно делает'), наиболее распространенными эквивалентами которых являются *однажды; once upon a time; es war einmal; il était une fois*.

5. Речевые функции безличных, обобщенно-личных и неопределенно-личных конструкций достаточно широки. Особенно заметна функция *a*-конструкций, которые широко распространены в пословицах и крылатых выражениях со смысловым значением неоспоримых истин, где они используются в обобщенно-личном значении. *O*-конструкции в речи также употребляются с обобщенно-личным значением, но в более узком значении — как десигнаторы обобщенного круга лиц, куда говорящий включает и слушающего. В силу этого различия в значениях *a*-конструкции и *o*-конструкции в речи не взаимозаменяемы. Наиболее широки функции *wón*-конструкций, которые в зависимости от контекста могут употребляться с обобщенно-личным, неопределенно-личным и квази-безличным значениями. Контекстный квази-безличный характер *wón*-конструкций отличает их от *ó*-

конструкций с безличным значением в силу сохранения у местоимения *wón* семы одушевленности. Безличное значение в речи могут передавать только *ó*-конструкции.

б. Формирование категории персональности/имперсональности в языке йоруба непосредственно отражает когнитивные стереотипы, культуру, традиции, религиозные представления и верование народа йоруба. Наиболее ярко это проявляется в системном значении и функциях конструкций с местоимением *wón*, которое в речи широко используется с табуированным значением — как десигнатор окружающих человека вездесущих могущественных одухотворенных сверхъестественных сил, оказывающих судьбоносное и повседневное влияние на все стороны его жизни.

Апробация основных положений исследования. Основные идеи, положения и результаты настоящего исследования обсуждались на заседании кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск) и были представлены в докладах на следующих научных и научно-практических конференциях: Всероссийская научная конференция «Новый взгляд–3» (г. Челябинск, 2019 г.); 11-я научная конференция аспирантов и докторантов ЮУрГУ (г. Челябинск, 2019 г.), XXII Международная научно-практическая конференция (г. Челябинск, ЧИППКРО 2021 г.), XXII Международная научно-практическая конференция (г. Москва, 20 апреля 2021 г.), XXIX студенческая научная конференция, Санкт-петербургский гуманитарный университет профсоюзов (г. Санкт-Петербург, 15–19 марта 2021 г.).

Структура диссертации определяется ее задачами и отражает основные этапы и логику развития исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и приложения. Библиографический список состоит из 135 наименований. Список произведений, из которых проводилась выборка примеров для анализа, содержит 9 наименований. Основной текст диссертационного исследования изложен на 126 страницах.

Заключение включает основные результаты проведенного исследования и перспективы дальнейшего исследования в данной области.

Достоверность результатов исследования обеспечена, прежде всего, широким охватом материала на языке йоруба, а также привлечением для сопоставления анализируемых конструкций со смысловыми и синтаксическими эквивалентами из английского, немецкого, русского и французского языков; непротиворечивостью теоретико-методологических позиций; соответствием методов и источниковой базы объекту, предмету, целям и задачам исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, раскрыта научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность,

определены объект, предмет, цель и задачи исследования, представлен материал и методы исследования, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, приведены сведения по апробации работы.

В **первой главе** диссертации «Категория лица/персональности в синтаксической структуре предложения» исследуется теоретический материал по вопросам о категории лица и персональности с точки зрения различных подходов ведущих лингвистов и языковедов на разных этапах развития лингвистики. Первая глава состоит из трех параграфов посвященных теоретическому исследованию вопросов, относящихся к решению поставленных в диссертационном исследовании задач.

В **первом параграфе** рассматриваются способы языкового представления категории персональности/имперсональности и грамматической категории лица. В языковедческой науке существуют различные подходы к изучению категории лица/персональности. К изучению этой категории обращались многие известные лингвисты (К.С. Аксаков, В.В. Богданов, А.В. Бондарко, Ф.И. Буслаев, И.И. Мещанинов, А.М. Пешковский, Ю.С. Степанов, О.А. Турбина, А.А. Шахматов, Р.О. Якобсон, Э.Бенвенист, Г. Гийом, Л.Теньер и др.). В нашем исследовании при рассмотрении категории лица/персональности мы используем когнитивно-семиотический подход, согласно которому данная категория определяется как результат осмысления и категоризации пространства по оси лица, который сопровождается в языках грамматизацией и формированием местоименных парадигм с выраженными оппозициями порядковых лиц и не-лиц с различными значениями персоналий и имперсоналий. Рассмотрение категории лица/персональности в русском языке предполагает обращение к ее выражению лексическими средствами в силу отсутствия в местоименной парадигме русского языка специальных форм для выражения «непорядковых» лиц (с безличными, неопределенно-личными значениями).

По своей природе категория лица — это многогранное явление, к которому можно подходить с точки зрения не только грамматики, но и лексической семантики и стилистики текста. Этот вопрос занимает важное место в трудах ученых-лингвистов в том числе А.В. Бондарко, А.А. Шахматова, Э. Бенвениста, А. Якобсона, М. К. Пешковского, С. Аксакова, Ф.И. Буслаева, каждый из которых внес свой вклад в системное описание категории лица. Такие ученые, как А.Н. Савченко А.В. Бондарко. Э. Бенвенист, А.А. Шахматов и др. рассматривают третье лицо как фон, на котором определяются первое и второе лица. Обсуждая вопрос о статусе 3-го лица как собственного лица или не-лица, ученые (А.В. Бондарко частности) установили, что 3-е лицо содержит признаки личной и неличной формы.

Известный языковед Г. Гийом придает третьему лицу статус объективного логического лица — первоисточника грамматического понятия лица. Когнитивно-семиотический подход Г. Гийома применим к изучению предложения, поскольку предполагает рассмотрение его формы и содержания

в неразрывном единстве как обусловленных, с одной стороны, когнитивными процессами, связанными с осмыслением и категоризацией окружающего мира, а с другой — системно-языковыми механизмами, определяющими результаты этих процессов системой языка: система языка устремляется к все более точной формализации компонентов предложения, способных эксплицитно выразить предикацию, а местоимениям, которые существуют практически во всех доступных изучению языках, отводит функцию грамматического оформления подлежащего. Категория лица становится семантической основой категории подлежащего, потому что самим своим происхождением она связана с субъектом. Таким образом подчеркивается особый статус 3-го лица как языкового средства категоризации пространства, отражающего языковое представление об универсальном объекте. Именно это Г. Гийом обозначил термином «объективное логическое лицо» (*«personne d'univers»*) то есть языковое воплощение обобщенного представления об окружающем мире. Это объективное логическое лицо включает все возможные потенциальные объекты живой и неживой природы главным показателем которого является идентичность грамматических показателей глагольных форм 3-го лица. Объективное логическое лицо может отсутствовать в речевой ситуации, но постоянно присутствует в языковом сознании.

Во **втором параграфе** проводится исследование теории простого предложения в современной лингвистике и категории лица в структуре простого предложения. Современные ученые указывают на сложный и многосторонний характер предложения как единицы языка и выделяют в качестве объектов анализа различные его аспекты. В числе лингвистов, которые внесли большой вклад в изучение предложения, можно назвать такие имена, как А.М. Пешковский (1914), А.А. Шахматов (1925), В.В. Виноградов (1954), А.В. Бондарко (1978, 1987), О.И. Москальская (1983, 2004), С.Д. Кацнельсон (1986, 2004), Б.А. Абрамов (2001), Т.П. Ломтев (2004), В.Г. Гак (1991, 2010), Н.Д. Арутюнова (1999, 2005), Х. Бринкманн (1971), Г. Хельбиг (1971, 2000), Н. Хомский (1971), О.А. Турбина (2023) и др.

Изучению синтаксиса предложения посвящены работы О.А. Турбиной, на которые мы будем опираться в нашем исследовании. При анализе его формы и содержания ученый использует когнитивно-семиотический подход, согласно которому когнитивные процессы, связанные с осмыслением и категоризацией окружающего мира, и системно-языковые механизмы, определяющие представление результатов этих процессов системой языка, рассматриваются в неразрывном единстве. При таком подходе предложение рассматривается как единица (модель) в системе языка, оформившаяся вследствие преломления и интерпретации языковым сознанием обобщенного представления о ситуации и как результат понимания (и, следовательно, выражения) чего бы то ни было как логического суждения — синтаксический языковой знак, законченный продукт семиозиса. Что

касается преимущественно аналитических языков номинативного строя, то структурная модель предложения в них достигает высокой степени грамматизации с семиотически выраженными категориями главных (подлежащего и сказуемого) и второстепенных членов, и, главное — отвлеченными как от субъектно-предикатных, так и от субъект-объектных отношений. Предложение становится не формой выражения мысли, а знаком формы мысли, поскольку структура предложения (семиотической единицы) развернута в большей степени к семиотике, нежели к логике. В языках формируется система форм, предназначенных для выражения предикативного ядра предложения и не зависящих от логико-семантических отношений в его пропозиции (смысловом содержании). Прежде всего — это парадигма местоименных форм со значениями «лица(лиц)/не-лица» для выражения грамматического подлежащего, ибо категория лица, самым своим происхождением связанная с субъектом, является семантической основой категории подлежащего. Парадигмы местоимений, специализирующихся на выражении категории подлежащего с личным, обобщенно-личным, неопределенно-личным и безличным значениями, оформились в современных английском, немецком, французском языках. Поскольку в русском языке парадигма формальных подлежащих отсутствует, среди ученых, занимающихся грамматическим описанием предложения, активно обсуждается тема односоставности и безличности.

В **третьем параграфе** исследуется многоаспектность категории безличности и ее репрезентация в языке. В этот параграф вошли вопросы о значении личности/безличности на уровне предложения; о понятии определенности/неопределенности лица; о трактовке лица в семантической структуре предложения; о грамматической категории личности/безличности и о статусе местоимения 3-го лица ед. ч. в системе личных местоимений йоруба и русского языков.

В оппозиции 1-е л./2-е л. первое лицо является главным, т. к. обозначает говорящего, а второе — слушающего. Во многих языках местоимения *ты* и *вы* употребляются как местоимения обобщенно-личного типа, соответствующего, например, французскому *on*, или немецкому *man*. Именно по этой причине местоимения *ты* и *вы* в меньшей степени могут определиться как лицо *не-я*. Третье лицо в языковом представлении всегда имеет особый статус, в силу чего вопрос о статусе 3-го лица в плане грамматической и семантической природы всё ещё является предметом научного дискурса, в том числе и в силу того, что оно содержит признаки и личной, и неличной формы. Мы поддерживаем идею о том, что за безличными предложениями кроется некий универсальный ментальный субстрат, глубинная ментальная основа, определяющая развитие и существование в языках «универсальной семантической зоны» (термин В.А. Плуныяна). Универсальное логическое лицо («*personne d'univers*» — термин Г. Гийома), 3-е лицо, входит в ядро универсальной семантической зоны,

поскольку оно, как было показано выше, составляет основу и исходную семантику категории лица/персональности. В силу этого оно включает в себе также исходную семантику грамматической категории подлежащего, что и находит отражение в когнитивно-семиотическом представлении данной категории в языках, достигших высокого уровня грамматизации структурной модели предложения, где «грамматические категории суть орудия понимания» (выражение А.Ф. Лосева) и где безличные предложения получили эксплицитное грамматическое подлежащее — специальный знак для не-лица. Сема 3-го лица изначально присуща местоимениям, занимающим в парадигматическом ряду позицию 3-го порядкового лица единственного числа, а также их этимонам — указательным местоимениям, которые и закрепляются в системе как формальные подлежащие в структурной модели предложения. Наряду с ними в языках с двоичной местоименной парадигмой, к каковым принадлежит и язык йоруба, функцию формальных подлежащих выполняют приглагольные личные местоимения. В безличных предложениях предикация осуществляется на основе того, что признак двусоставности приписывается абстрактному третьему лицу, которое соотносится с реальностью вообще. Подчеркиваем, что 3-е лицо среднего рода используется в случае, если в системе языка существует грамматическая форма для обозначения абстрактного третьего лица. Аналогично обязательно применяется форма неодушевленного местоимения, если языковая система позволяет противопоставлять формы по признаку одушевленности/неодушевленности. В силу того, что в системе современного русского языка специальный знак для не-лица (имперсональности) в местоименной парадигме отсутствует, число односоставных предложений пополняется обширным корпусом односоставных безличных предложений.

Во **второй главе** «Местоимения в безличных, неопределенно-личных, обобщенно-личных предложениях в языке йоруба» приводится анализ репрезентации безличных, неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкций в языке йоруба.

В **первом параграфе** предлагается краткий очерк типологических особенностей языка йоруба, на котором говорят в западной Африке, главным образом в юго-западных и центральных частях Нигерии. Язык йоруба принадлежит семейству ква из нигеро-конголезских языков Африки и относится к языкам изолирующего типа. В грамматике йоруба есть свойства, характерные также и для европейских языков — это способы актуализации синтаксических значений и синтаксиса в целом (фиксированный порядок слов и использование служебной лексики для выражения синтаксических отношений). Такое сходство может быть объяснено, во-первых, нефлективностью имени (как, например, в английском, французском), в связи с чем синтаксические функции именных актантов могут быть обозначены только их позицией в предложении; во-вторых, предположительно,

возможным влиянием английского языка на языки коренного населения Нигерии.

Далее во второй главе представлен анализ способов выражения категории лица-персональности с привлечением обширного материала из языка йоруба на фоне синтаксических аналогов из европейских языков (английского, немецкого, русского, французского).

Значение лица представлено в грамматике языка йоруба в семантике имен существительных и главным образом — в системе местоимений, в которую входит парадигма личных форм — самостоятельных (эмфатических) и приглагольных (неэмфатических). Первые предназначены для выражения только собственноличных значений; вторые в силу большей степени их грамматизованности в структуре предложения в качестве субъектных формантов способны выражать как собственноличные, так и несобственноличные значения.

Таблица 1. Эмфатические местоимения в языке йоруба.

	Ед. число	Мн. число
1 лицо.	<i>ètí</i>	<i>àwá</i>
2 лицо	<i>ìwọ</i>	<i>ẹ̀yìn</i>
3 лицо	<i>òun</i>	<i>àwọ̀n</i>

Таблица 2. Неэмфатические местоимения в языке йоруба.

	Ед. число	Мн. число
1 лицо.	<i>tó</i>	<i>a</i>
2 лицо	<i>o</i>	<i>ẹ</i>
3 лицо	<i>ó</i>	<i>wọ̀n</i>

Несобственноличные (обобщенно-личные, неопределенно-личные и безличные) значения могут выражать только субъектные приглагольные (неэмфатические) местоимения, используемые в функции формальных подлежащих: обобщенно-личные, неопределенно-личные и безличные значения в языке йоруба выражаются посредством приглагольных (неэмфатических) местоимений *a* (1-л.мн.число), *o* (2-е л.ед.число), *ó* (3-е л.ед.число) и *wọ̀n* (3-е л. мн. число). Количественные данные употребления различных местоимений в личном, обобщенно-личном, неопределенно-личном и безличном значениях позволяют сделать выводы о специализации каждого из них в той или иной функции.

Местоимение *a* занимает позицию 1-го лица единственного числа в местоименной парадигме языка йоруба. В личной форме (38%) оно соответствует местоимениям *мы*, *we*, *wir* и *nous* в русском, английском, немецком и французском языках соответственно. Например, *Bí a ti gbó Jáléyẹ́tí ní Aṣàbí kókó bí* [OM]. Букв.: *Соответственно мы слышали Джолаеми есть Ашаби впервые рожать. = 'Согласно тому, что мы слышали, Джолаеми был первым ребенком Ашаби'. Ср. англ.: 'According to

what we heard, Jaleyemi was Ashabi's first child'; фр.: '*Selon ce que nous avons entendu, Jolayemi était le premier enfant d'Ashabi'*'; нем.: '*Nach dem, was wir gehört haben, war Jolaimi Ashabis erstes Kind'*'.

В этом примере местоимение *a* занимает позицию подлежащего *a ti gbó* (букв. *мы слышали*) и употребляется в личном значении, как и его эквиваленты в английском, немецком, французском и русском языках (*we, wir, nous, мы*).

В следующем примере:

A gbé lyàwó re 'lé oḱo rè l'óní o – láílo! [ДОФ]. Букв.: **Мы носить жену в дом мужа её сегодня о - да, да!* = '*Мы увозим невесту домой к мужу сегодня – да, да!*' –

Местоимение *a* является подлежащим предложения выполняющим действие глагола *gbé* (букв. *нести*), имеющего личное значение, поскольку оно относится к конкретным лицам, в том числе и говорящему. Таким образом, из приведенных выше примеров ясно, что при использовании в личном значении местоимение *a* функционирует точно так же, как эквиваленты из английского, немецкого, французского или русского языков (*we, uns, nous* и *мы* соответственно) в том же значении.

Помимо личного употребления, местоимение *a* также используется в обобщенно-личном значении (46%), что очевидно из его широкого использования в повседневной речи, в пословицах и мудрых высказываниях йоруба. Для достижения эквивалентности в переводе и сохранения его контекстного значения местоимение *a* переводится на русский язык посредством различных приемов, в том числе — использованием инфинитивных оборотов и придаточных предложений:

Ní gbogbo igbà tí a ñ wí yíí, Iyádùnní, Dasofunjo àti àwọn m̀lèbí, p̀lú gbogbo ará ilú gbàgbó [АО]. Букв.: **Во все время которое мы есть говорить это Иядунни, Дасофунджо и родственники вместе все горожане верить.* = '*В течение времени, о котором идет речь, Иядунни, Дасофунджо и родственники со всеми горожанами верили*'. Ср. англ.: *During the period under review, Iyadunni, Dasofunjo and relatives with all citizens considered*; фр.: *Pendant le temps en question, Iyodunni, Dasofunjo et les parents avec tous les citadins croyaient*; нем.: *Während der fraglichen Zeit glaubten Iyadunni, Dasofunjo und Verwandte mit allen Bürgern*'.

На русский язык обобщенно-личная конструкция *a ñ wí yíí* переводится отдельной клаузой *о котором идет речь*, где обобщенно-личное значение не сохраняется. На английский, немецкий и французский языки *a ñ wí yíí* переводится атрибутивными конструкциями *the period under review, der fraglichen Zeit, le temps en question*, и обобщенно-личное значение также не сохраняется.

Из пословиц и мудрых высказываний йоруба, в которых местоимение *a* используется в обобщенно-личном значении:

А *bító* kò gbón, a ní kó má sáà kú; kíní ñ ra ọmọ bí àìgbón? [ЛЮ] Букв.: *Мы рождаем ребенок мы говорим, чтобы он умер; что есть убивать ребенка, чем глупость? = "Не лучше ли не иметь детей, чем **иметь детей** слабоумных?".

В этом примере местоимение *a* находится в позиции подлежащего по отношению к глаголу *bító* (рожать), но не указывает на конкретное лицо. Обратим внимание, что для достижения эквивалентности в переводе и сохранения обобщенно-личного характера конструкция с местоимением *a* (*a bító* букв.: *мы родили*) переводится на русский язык посредством инфинитивного оборота *иметь детей* с импликацией субъекта с обобщенным значением, мыслимого в дательном падеже: *нам, кому-то, кому-нибудь, всем* и так прочее.

Местоимение *ó* является местоимением третьего лица единственного числа, неэмфатической формой от местоимения *òun*. Хотя оно лишено каких-либо экстралингвистических коннотаций, подобных местоимению *wón*, местоимение *ó* употребляется больше всего для выражения безличности в языке йоруба (59%), подобно французскому *il*, немецкому *es* или английскому безличному *it*. Например:

Ó jọ pé ifẹ nàà d'ókàn rẹ gidi ni. [JLY] Букв.: *Это выглядело так, как будто любовь очень сильно исходила из его сердца. = Похоже, что он сильно влюбился. *It was as if that love was genuinely from his heart.* Ср., нем.: *Es sieht so aus, als wäre er tief verliebt*; фр.: *Il semble qu'il est profondément amoureux*, хотя французский язык предпочитает неопределенно-личную конструкцию с семой одушевленности: *On dirait qu'il est profondément amoureux*.

Выражение *ó jọ pé* (букв.: *это похоже что*) в йоруба зачастую используется, когда говорящий не уверен в точности своих мыслей или мнений:

Nígbàtí ó tí tó bí oşù kan gbáko tí Ọjé ti lọ àjò ni iyàwó rẹ tí ñ wònà toto[Ю]. Букв.: *Когда **это есть** почти месяц целый что Одже есть уехать путешествие есть жена его уже смотреть пристально. = 'Примерно через месяц после того, как Одже уехал, его жена начала требовать, чтобы он вернулся'. Ср. англ.: *'It was about a month after Oji left that his wife started demanding that he come back'*; нем.: *'Ungefähr einen Monat nachdem Oji gegangen war, begann seine Frau zu verlangen, dass er zurückkehrte'*; фр.: *'Environ un mois après le départ d'OJI, sa femme a commencé à exiger qu'il revienne'*. *'It was about a month after Oji left that his wife started demanding that he come back'*.

Хотя в этом предложении дискурсивный компонент *oşù kan* (один месяц) сообщает некоторое уточнение в определении временного плана происходящего, безличная предикативная конструкция *ó tí tó bí* временной план события «размывает», внося в него значение неопределенности. Заметим, что в английском, немецком и французском языках, как и в русском, эту функцию выполняют наречия.

В следующем примере местоимение *ó* используется для выражения неограниченного времени:

Ó ʒe ní ojó kan, iyá mí àtí òkan nínú àwọn iyàwó wònyí jà. [OONII] Букв.: *Это делается в день один мать моя и одна из жен этих подрались. = **Однажды** моя мать и одна из других жен подрались.

В следующем примере местоимение *ó* используется для выражения идеи времени в плане продолжительности — в дуративном значении:

Ó rẹ́ rúpò kí èmi tó dé ibẹ̀. [OLMD] Букв.: *Это долго очень до я прийти там. = Это было задолго до того, как я туда приехал.

В следующем примере местоимение *ó* используется для того, чтобы указать приблизительное время события:

Ó tó déédé agogo méjì kí a tó dé ilé rẹ̀ yí. [OO] Букв.: *Это достигается ровно часы два до мы приехать дом его этот. = **Было около 2 часов** дня, когда мы добрались до его дома.

В такой функции местоимение *ó tó* — абсолютный эквивалент безличных предикативных конструкций в английском, французском и немецком языках:

англ.: *It was about 2 pm when we got to his house.*

фр.: *Il était environ 14 heures lorsque nous sommes arrivés chez lui.*

нем.: *Es war ungefähr 14 Uhr, als wir bei seinem Haus ankamen.*

Аналогичное использование местоимения *ó* для оценки времени наблюдается и в следующем примере:

Ó tó iséjú méèédógún l'èhìn èyí kí eré tó parí. Букв.: *Это достигается минуты пятнадцать после это до пьеса закончить. = Прошло около пятнадцати минут, прежде чем спектакль закончился. Ср. англ.: *It was about fifteen minutes after this when the play came to an end;* нем.: *Es dauerte ungefähr fünfzehn Minuten, bis die Aufführung endete;* фр.: *Il a fallu environ quinze minutes avant la fin du spectacle.*

Словосочетание *ó tó* (букв.: это достигается) предполагает отсутствие точности и обычно используется, когда говорящий либо не уверен, либо не желает быть точным. *Ó tó* может стоять в начале предложения как компонент главного предложения или в середине как компонент придаточного предложения:

Kí Mopélóla tó lè ʒisè, ó tó iséjú méwàá dáadáa. [IOO] Букв.: *До Мопелола мочь делать работа это дотянулось минут десять очень. = Прошло десять минут, прежде чем Мопелола смогла начать работать.

Местоимение *ó* в безличном значении используется также при описании эмоционального состояния или чувств:

Ó dára, ó dùn mo mí nínú rúpò pé irú ọmọ dáadáa yẹn ni ifẹ̀ rẹ̀ fà sí. [IOO] Букв.: *Это хорошо, это сладко ко мне внутри очень, что такой ребенок тот есть любовь твоя тянуться. = Это хорошо, и мне приятно, что именно к такой хорошей девушке вы испытываете любовь.

В данном примере присутствуют две конструкции с местоимением *ó*: *ó dára* - 'это хорошо' и *ó dùn to mi níńú* — букв.: 'это сладко в моем животе'. В первой конструкции (*ó dára*) местоимение *ó* употреблено как личное с указательным значением, поскольку его десигнат — некое событие, известное участникам акта речи. Во второй конструкции (*ó dùn to mi níńú*), выражающей эмоциональное отношение говорящего к событию, местоимение *ó* — безличное. Таким образом, на выражении не-лица в языке йоруба специализируется местоимение *ó*, что проявляется в распространенном использовании безличных *ó*-конструкций для выражения временных отношений, расстояния, чувств и так далее

Нужно отметить, что местоимение *ó* отличается от местоимения *o* которое занимает позицию второго лица единственного числа в местоименной парадигме йоруба и обычно используется для выражения значений обобщенно-личного (36%) и личного (64%) характера и никогда не используется с безличным значением. Местоимения *ó* и *o* отличаются друг от друга и по семантическим, и по фонетическим признакам. Графически они также отмечаются по-разному: местоимение *ó* произносится с высоким тоном, о чем свидетельствует диакритический знак высокого тона в его написании, а местоимение *o* произносится со средним тоном и пишется без диакритического знака:

Àjoké sé o tún bèrè, ohun tí ó bá dà, wàá ran! [КЕ]. Букв.: *Аджоке разве ты снова начинать. Что есть это будет отвечать будешь. = 'Аджоке, **ты** опять начинаешь. Чем бы это не кончилось, ты ответишь!' = *Ajoke you have started again. Whichever way it ends, it is on you!*

В вышеприведенном примере антецедент местоимения *o* — имя женщины *Àjoké*, к которой обращается говорящее лицо. Это значит, что местоимение *o* (2-е лицо ед. ч.), которое находится в первой части предложения *Àjoké sé o tún bèrè*, представляет собой дейктическую единицу, является анафорой по отношению к своему антецеденту *Àjoké*, используется в личном значении и полностью совпадает в значении и в функции с русским местоимением 2-го лица единственного числа *ты* в его личном значении.

Следующий пример показывает использование местоимение *o* в обобщенно-личном значении:

Bí o f'íná, ará Ílágbèdè á ni o şeun, bi o kò f'ina, ará Ílágbèdè á ni o şeun. [ОО]. - Если ты зажжешь огонь, жители Илагбеде скажут тебе спасибо. Если ты не зажжешь огонь, жители Илагбеде скажут тебе спасибо. = "Благодарность — это добродетель".

Однако более близкий переводной эквивалент данной фразы на русский язык — с местоимением *вы*, как и французский эквивалент — с местоимением *vous*, но тоже с обобщенно-личным значением в обоих языках:

рус.: Если **ты** зажжешь огонь, жители Илагбеде будут тебе благодарны. Если **ты** не зажжешь огонь, жители Илагбеде скажут тебе спасибо;

фр.: *Si vous allumez un feu, les habitants d'Ilagbede vous remercieront. Si vous n'allumez pas de feu, les habitants d'Ilagbede vous remercieront.*

В данном примере *Ìlágbèdẹ* — это название вымышленного города, жители которого, якобы, славились своим равнодушием. Однако, местоимение *o* (2-е л. ед.ч.) не относится к конкретному лицу в приведенном выше примере, но носит обобщенно-личный характер. В целом, местоимение 2-го лица единственного числа *o* может использоваться в личном и обобщенно-личном значениях, но не в безличном значении, поскольку оно включает сему одушевленности и в силу этого предназначено системой языка йоруба для выражения действий, выполняемых широким, обобщенным кругом лиц.

Местоимение *wón* в личной форме (72%) соответствует русскому *они*, английскому *they*, немецкому *sie* и французскому *ils*. Например:

L'òrò kan, wón Ẹ̀ ẹ̀gbéyàwó n'ìgbà tí ó pé odún méjì gééré tí wón ti ń fẹ̀'ra wón. [OO]. Букв.: *В слово один **они** делать свадьба вовремя, который это достигать лет два ровно, который **они** есть любить тела их. = 'Одним словом, **они** поженились после двух лет знакомства'.

В этом примере местоимение *wón* функционирует как подлежащее глагола *Ẹ̀* (делать). Фраза *Ẹ̀ ẹ̀gbéyàwó* дословно переводится на русский как 'делать свадьбу'. Данный пример представляет собой случай, когда местоимение *wón* выступает в качестве подлежащего предложения. В следующем примере представлена та же функция местоимения *wón*:

Wón sàré gbé Jóké lọ s'ílẹ̀ iwòsàn tó ti ń Ẹ̀'isẹ̀ [OO]. Букв.: *Они бегать носить Джоке от на дом лечение который она есть делать работа. = 'Они немедленно отвезли Джоке в больницу, где она работала'. Ср. англ.: 'They rushed Joke to the hospital where she worked'; нем: 'Sie brachten Joke sofort in das Krankenhaus, in dem sie arbeitete'; фр.: 'Ils ont immédiatement emmené Joke à l'hôpital où elle travaillait'.

В данном примере местоимение *wón* является личным и занимает в предложении позицию подлежащего. Английское *they*, немецкое *sie* и французское *ils* эквивалентны *wón* йоруба. Заметим, однако, что для английского языка характерно, чтобы акцент падал не на действующие лица, а на действие, в силу чего переводная конструкция по преимуществу принимает пассивную форму предложения, где подлежащее отсутствует: *Joke was rushed to the hospital where she worked*.

Местоимение *wón* может использоваться для вежливого обращения или почтительного (уважительного) обозначения одного лица с определенно-личным значением, подобно французскому *vous/tu*, немецкому *Sie/du* и русскому *Вы/ты*:

Mo rí iyá-àgbà ní ànà. Wón ń lọ sí ojà alé [OLMD]. Букв.: *Я видеть мать старая в вчера. **Они** есть идти в рынок вечерний. = 'Я видел бабушку вчера. **Она** шла по дороге на вечерний рынок'. Ср. англ.: 'I saw grandmother yesterday. **She** was on her way to the evening market'; фр.: 'J'ai vu ma grand-mère

hier. *Elle allait sur la route au marché du soir*'; нем.: 'Ich habe Oma gestern gesehen. *Sie* (ед.ч.) *war auf dem Weg zum Abendmarkt*'.

В этом примере местоимение *wón* является субститутутом предшествующего ему antecedента *iyá-àgbà* (бабушка). Заметим, что в данном случае эквивалентами местоимения *wón* (3-е л. мн. число) в переводных конструкциях европейских языков являются местоимения 3-го л. ед. числа: *она, she, elle, sie*.

В речи единственное или множественное число десигната, десигнатором которого является местоимение *wón*, определяется только по контексту. В данном примере местоимение *wón*, как субститут имени существительного *iyá-àgbà* (бабушка), используется в качестве почтительного отношения говорящего к лицу, о котором идет речь. Существительное *iyá-àgbà* (бабушка) употреблено в единственном числе, поскольку оно обозначает только одного человека, но его субститут *wón* в парадигме личных местоимений занимает позицию 3-го л. мн. числа.

Местоимение *wón* может употребляться в грамматических конструкциях, где глагол-сказуемое обозначает действие, выполняемое широким неопределенным кругом лиц:

Şé o tiè rò ré àşẹ ni wón ñ fi "n ó fé ọ" ra ni? [OO]. Букв.: *Делать ты даже думать, что приказ есть они использовать «я буду жениться ты» убивать ли? = 'Ты вообще (действительно) думаешь, что **можно пожениться по приказу?**'

В данном случае местоимение *wón* в высказывании *wón ñ fi* переводится на русский язык не личным местоимением 3-го л. мн. числа *они*, а с помощью несущего значение обобщенности инфинитивного оборота *можно пожениться* с явным оттенком безличности. Английский, французский и немецкий языки в подобных случаях значения обобщенности и тем более безличности избегают:

'Do you think that "I will marry you" is some forceful proposal?'

Здесь выражение *wón ñ fi* (букв.: *они есть использовать) переведено отдельной клаузой *I will marry you*, где в позиции подлежащего употреблено личное местоимение 1-го л. ед. числа *I* (я). Для перевода *wón ñ fi* (букв.: *они есть использовать) возможен также вариант: *do you think you can get married...*, но тоже клаузой с личным местоимением 2-го л. ед. числа *you* (ты) в роли подлежащего. Немецкий язык также избегает значения обобщенности, используя подобную английской конструкции: *Glaubst du, (dass) du kannst heiraten....* Заметим, что при переводе с йоруба приведенного выше высказывания значение обобщенно-личности может быть сохранено как в русском, так и во французском переводе: *Tu penses pouvoir te marier ...*, где, как и в русскоязычном варианте, выражение *wón ñ fi* переведено инфинитивным оборотом, хотя возможен и аналогичный английскому и немецкому вариант перевода отдельной клаузой с местоименным подлежащим *tu* (ты): *Tu penses que tu peux te marier ...*

Местоимению *wón* присуща уникальная экстралингвистическая значимость, заключающаяся в его использовании для обозначения неких темных духовных сил в космологии народа йоруба. Данный факт является важным в свете того, что вера в сверхъестественное является важным аспектом жизни народа йоруба, а социокультурная составляющая в объеме понятия местоимения *wón* дает представление не только о грамматике языка, но и о культуре йоруба, так как оно кодифицирует специфические аспекты верований йоруба. Например, в ежедневном узусе распространено выражение:

Şé wón rán ẹ sí mí ní? Букв.: **Делать они отправить ты на меня так?* = *Тебя отправили ко мне что ли?* = "Почему ты ко мне пристаешь?"

Истинное значение этого выражения нельзя понять по буквальному переводу на русский язык. Коннотация этого высказывания (то есть тот смысл, который носитель языка йоруба в него вкладывает) определяется употреблением местоимения *wón*, и только знание культурных ценностей народа йоруба позволяет понять смысл подобного рода высказываний. В данном контексте местоимение *wón* включает несомненную семантику «вселичности» с религиозным смыслом, что ставит его в смысловую оппозицию к значению безличности по признаку одушевленности ↔ неодушевленности. Таким образом, за местоимением *wón* кроется определённое значение с религиозной окраской и оттенком:

«*Wón ò ní rí ẹ tí o!*» Букв.: *Они не есть видеть тебя поймать!* = *Пусть они никогда тебя не поймут!*; "Быть тебе невидимым для них!".

Аналогичный смысл включает следующее выражение:

«*Wón ò ní r'ídi wa o!*» Букв.: *Они не есть видеть основу наш!* = *Пусть (они) никогда нас не одолеют* [Lawuyi 1988: 11].

Эти подтверждающие веру в существование «*wón*» молитвенные слова-заклинания, как оберег, часто повторяются представителями культуры йоруба в надежде на защиту от злых сил. Два последних примера недвусмысленно свидетельствуют о том, что в религиозно-культурной интерпретации десигнатор местоимения *wón* не является расплывчатым – он вполне определен и его значение точно и уникально.

В приведенной ниже таблице представлены количественные данные употребления вышеуказанных местоимений с обобщенно-личными, неопределенно-личными и безличными значениями в процентном соотношении, где за 100% принято общее число примеров с тем или иным местоимением:

Таблица 3. Местоимения *a*, *o*, *ó* и *wón* в обобщенно-личном, неопределенно-личном и безличном значениях в языке йоруба.

	обобщенно-личное	неопределенно-личное	безличные	личные
<i>a</i>	46 %	16%	0%	38%

<i>o</i>	36%	0%	0%	64%
<i>ó</i>	0%	0%	59%	41%
<i>wón</i>	23%	0%	5%	72%

В целом, результаты проведенного исследования и их сопоставление с данными грамматик английского, немецкого, французского и русского языков подтвердили уже известное положение о том, что категория лица является семантической основой синтаксической категории подлежащего при глаголе-сказуемом, предизирующем признак его носителю-лицу, и что любая языковая система, в том числе и система языка йоруба, в развитии которой выявляется заметная тенденция к аналитизму, находит способ обеспечить семиотическое выражение категории подлежащего формально — посредством специализирующегося для этого знака (парадигмы знаков).

Исследование показало, что категория имперсональности в языке йоруба отражает также и социокультурные компоненты значения, обусловленные особыми традициями и религиозными верованиями. Отметим, что почти каждый аспект жизни народа йоруба имеет духовные коннотации, и нередко люди видят причины своих проблем в действиях всяких темных сил, что непосредственно запечатлено в традиционных рассказах народа йоруба о колдовстве и черной магии. Верования народа йоруба говорят о том, практически все аспекты жизни управляются некими невидимыми, но вездесущими силами, что и находит отражение в языке, где эти силы обрели особый знак — местоимение *wón* — табуированный десигнатор грозных существ, властвующих над всецело зависящим от них человеком.

Перспективы дальнейшего исследования. В дальнейшем можно провести диахроническое когнитивно-семиотическое исследование формирования способов выражения категории лица/персональности в языке йоруба и полученные данные сопоставить с результатами, полученными в ходе изучения истории языков разных типов. Выполненный в рамках данной работы системный анализ репрезентации категории лица/персональности в языках разных типов на материале языка йоруба и нескольких европейских языков, может создать продуктивную перспективу для дальнейших сравнительных исследований в области лингвистики и прикладной грамматики.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ:

1. Ифатуроти, А. О. Категория определенности /неопределенности в языке йоруба / О. А. Турбина, А. О. Ифатуроти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – Т. 17. – № 2. – С. 55-59. (0,31 п. л./ 0,16 п. л.)

2. Ифатуроти, А. О. Синтаксические теории простого предложения в современном лингвистике / А. О. Ифатуроти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – Т. 17. – № 3. – С. 71-75. (0,31 п. л.)

3. Ифатуроти, А. О. Краткий очерк типологических особенностей языка йоруба / А. О. Ифатуроти // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2021. – Вып. 7, № 1. С. 74-85. (0,75 п. л.)

4. Ифатуроти, А.О. Словообразование и структурные особенности имен существительных в языке йоруба / А. О. Ифатуроти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2023. – Т. 20. – № 1. – С. 78-82. (0,31 п. л.)

Другие публикации:

5. Ифатуроти, А. О. Способы выражения множественного числа имен существительных в языке йоруба / А. О. Ифатуроти // Интеграция методической (научно-методической) работы и системы повышения квалификации кадров: материалы XXII Международной научно-практической конференции, Челябинск, 20 апреля 2021 г. – Челябинск : ЧИППКРО 2021. – С. 96-101. (0,3 п. л.)

6. Ифатуроти, А. О. Определенное местоимение *a* на языке йоруба в неопределенных местоименных конструкциях / А. О. Ифатуроти // International Conference of the Scientific Research of the SCO Countries: Synergy and Integration, Beijing, PRC, 20 декабря 2022 г. – Пекин: SRSC 2022. – С. 116-123. (0,5 п. л.)

7. Ифатуроти, А. О. Гюстав Гийом и теория психомеханики / А. О. Ифатуроти // International Conference of the Scientific Research of the SCO Countries: Synergy and Integration, Beijing, PRC, 10 февраля 2023 г. – Пекин: SRSC 2023. – С. 117-120. (0,25 п. л.)